

ЛЕНИНГРАД В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Воскресное утро 22 июня 1941 г. выдалось в Ленинграде теплым и по-летнему ясным. Никто из жителей еще не знал, что началась война.

И вдруг, около полудня ожили уличные репродукторы, установленные на стенах многих ленинградских домов. Сначала гулко стучал метроном, а через пару минут к гражданам СССР обратился нарком иностранных дел Вячеслав Молотов: «... сегодня в 4 часа утра без объявления войны, без предъявления каких-либо претензий нашей стране, Германия напала на Советский Союз...».

Уже в первые дни войны на стенах ленинградских домов появляется плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!» – плакат, которому суждено было стать символом сопротивления советского народа фашистским захватчикам.

Десятки тысяч ленинградцев осаждали военкоматы. Те, кого не брали в армию по возрасту или состоянию здоровья, записывались в народное ополчение.

Каждую ночь в небо над Ленинградом поднимали аэростаты воздушного заграждения. Это делалось для того, чтобы затруднить полет немецким бомбардировщикам над городом.

Немецкие самолеты начали прорываться к Ленинграду буквально на следующую ночь после начала войны. Впервые сигнал воздушной тревоги прозвучал в Ленинграде в ночь на 23 июня: вражеские самолеты летели со стороны Финляндии. Один из самолетов нашим зенитчикам удалось сбить, остальные повернули назад, но с этого момента ленинградцы уже понимали, что бомбежки начнутся со дня на день.

В конце июня, через неделю после начала войны, из Ленинграда стали эвакуировать детей. 10 эшелонов с детьми отошли от Ленинградских вокзалов 29 июня 1941 г. В июне 1941 г. еще было не ясно, откуда ждать наступления гитлеровских войск: 25 июня 1941 г. в войну против СССР вступила Финляндия, и поэтому наступление гитлеровских войск ожидалось со стороны Финляндии, территориально ближе расположенной к Ленинграду. Детей стали вывозить на юг Ленинградской области, в Новгородскую область – как казалось, в безопасное место, а на деле навстречу наступающим немцам. Большая часть эвакуированных детей потом вернулась в уже осажденный фашистами город.

Маскировались стратегически значимые объекты. Над Смольным была протянута маскировочная сеть: благодаря этой сетке «штаб революции» сверху походил на огромный лесной массив. Даже находясь в непосредственной близости от Смольного, его было трудно обнаружить.

Опустели пьедесталы памятников. Конную статую Петра I у Михайловского (Инженерного) замка сняли с пьедестала. Статуя была срезана автогеном, смазана тавотом, обернута бумагой, рубероидом и зарыта в землю. Закопали в землю и знаменитых клодтовских коней, украшавших Аничков мост, мраморные статуи из Летнего сада. Некоторые памятники оставляли на местах, но закрывали деревянным футляром и засыпали песком. Так поступили с «Медным всадником», статуей Николая I на Исаакиевской площади и памятником В. И. Ленину у Финляндского вокзала. И только памятники русским полководцам – А. В. Суворову на Марсовом поле, М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли у Казанского собора не были укрыты. Это сделали сознательно, чтобы они своим присутствием поднимали дух ленинградцам и вселяли в них веру в грядущую победу. Также открытой всю блокаду гордо простояла Екатерина II в сквере у Александринского театра.

Закрылись музеи. Подготовка к эвакуации музейных фондов, ценных рукописей из библиотек началась буквально с первых дней войны. Эшелон с экспонатами из Эрмитажа был отправлен в Свердловск (ныне – Екатеринбург), имущество Русского музея – в Молотов (сейчас – Пермь).

Слились с мглистым питерским небом золоченые купола и шпили: их покрасили серой краской либо затянули чехлами, чтобы они не могли служить ориентирами для немецких пушек.

В первые дни войны был создан Фонд обороны: советские люди на добровольной основе могли сдать денежные средства или ценности на нужды фронта. Вот почему в витрине представлены деньги, столовое серебро, самовар. Каждый, даже старый и немощный, старался внести посильный, пусть и скромный вклад в борьбу с врагом.

Город готовился к обороне...

БЛОКИРОВАНИЕ ЛЕНИНГРАДА

В первые дни войны начали сооружать Лужский оборонительный рубеж – длинную полосу оборонительных укреплений, протянувшуюся от Финского залива до озера Ильмень почти на 250 км и закрывавшую юго-западные подступы к Ленинграду. На строительстве укреплений работали тысячи ленинградцев, в основном женщины, так как большая часть мужского населения была мобилизована в действующую армию, либо ушла в ополчение. Кирка и топор – главные инструменты, которыми возводился Лужский рубеж.

14 июля на Лужском рубеже завязались кровопролитнейшие бои. А 19 июля генерал фон Лееб, командующий группой армий «Север», вынужден был отдать приказ о прекращении наступления до подхода подкрепления.

Кадровых частей Красной армии было не достаточно, поэтому на защиту Лужского рубежа бросили курсантов военных училищ. Здесь, на Лужском рубеже, приняли свои первые бои и «свежеиспеченные» дивизии народного ополчения.

Ленинградскую армию народного ополчения (ЛАО) начали формировать 30 июня 1941 г. Многие из них – не молодые люди. Им не хватало оружия. Некоторые никогда не держали его в руках, а времени не было даже на элементарную боевую подготовку. Тем не менее, в ополчение вступило более 135 тысяч человек. Без их участия оборона Ленинграда была бы просто не мыслима. Город находился в смертельной опасности.

Защитники города несли огромные потери. Тем не менее, целый месяц немцы не могли прорвать Лужский рубеж. Только 8–10 августа его удалось преодолеть, причем не в лоб, а на флангах. Военная машина вермахта вновь покатила к Ленинграду...

Во второй половине августа ситуация под Ленинградом стала критической: захвачены Нарва, Кингисепп, Новгород, Чудово, Любань. 29 августа последний поезд с эвакуирующимися из Ленинграда людьми успевает проскочить через станцию Мга, на следующий день на станцию вошли немцы. Это означало, что последняя линия железной дороги, которая еще связывала Ленинград с остальной страной, оказалась в руках врага.

В сентябре немецкие войска начали решающий штурм города. 8 сентября им удалось выйти к Ладожскому озеру и захватить Шлиссельбург. А с севера в эти же дни на рубежи своей старой границы, существовавшей до 1939 г., вышли финские войска.

8 сентября 1941 г. Ленинград оказался в кольце вражеских войск: все дороги, ведущие в город, были отрезаны. Снабжение Ленинграда по суше стало невозможным даже теоретически.

К концу сентября войска вермахта стояли в 14 километрах от центра Ленинграда. Немецкие офицеры в бинокль наблюдали за перемещением людей и транспорта по улицам Ленинграда. Но сил для продолжения штурма у гитлеровцев уже не было.

Немецкое командование сделало ставку на блокаду... В блокадном кольце оказались 2 887 тысяч человек гражданского населения, в том числе около 400 тысяч детей.

Во второй половине сентября появляются чудовищные гитлеровские директивы «О будущем города Петербурга». Впервые эти документы были озвучены на Нюрнбергском процессе. Вот только несколько выдержек из них:

«После поражения Советской России в этой войне германское правительство не заинтересовано в существовании этого населенного пункта» (под «населенным пунктом» подразумевался Ленинград).

«Город следует окружить тесным кольцом блокады и, подвергнув его артобстрелам и бомбардировкам, сравнять этот город с землей».

«А если в силу сложившегося положения будут заявлены просьбы о капитуляции – капитуляцию не принимать!»

Но ленинградцы о сдаче и не помышляли. 900 дней враг стоял «на пороге» Ленинграда, но взять его не смог. Именно здесь, на Ленинградском фронте в августе 1941 г. был впервые совершен подвиг, который позднее вошел в историю как подвиг Александра Матросова.

Произошло это в самом начале войны – 24 августа 1941 г. при обороне Великого Новгорода. Александр Константинович Панкратов, политрук 28-ой танковой дивизии своим телом закрыл вражеский пулемет.

А несколькими днями раньше командир танковой роты Зиновий Колобанов под городом Гатчиной (тогда он назывался Красногвардейском) провел бой, не имеющий аналогов в военной истории. Только один экипаж Колобанова в том бою уничтожил 22 фашистских танка! Всего танковая рота, которой командовал Колобанов, а это пять танков, уничтожила в том бою 43 танка противника!

Первый в ходе Великой Отечественной войны Указ о присвоении звания Героя Советского Союза вышел 8 июля 1941 г. Золотой Звездой Героя были удостоены ленинградские летчики Здоровцев, Жуков, Харитонов. Отважные защитники ленинградского неба пошли на таран вражеских самолетов и уничтожили их.

СЕДЬМАЯ («ЛЕНИНГРАДСКАЯ») СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Мощный удар по мифу о мертвом городе был нанесен в августе 1942 г., когда в Большом зале Филармонии впервые в Ленинграде была исполнена Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. Свое произведение композитор посвятил родному городу и назвал симфонию «Ленинградской». Ее исполнял оркестр ленинградского радиокомитета, дополненный откомандированными с фронта музыкантами. Оркестр в суровое время блокады потерял 27 артистов. Дирижировал оркестром Карл Ильич Элиасберг. Еще в феврале 1942 г. его со 2-ой степенью дистрофии на саночках привезли в один из ленинградских госпиталей, думали, он уже не поднимется. Но 9 августа Карл Ильич Элиасберг с дирижерской палочкой в руке стоял на сцене белоколонного зала Ленинградской филармонии – исхудавший, но как всегда элегантный, в настоящем концертном фраке...

Леонид Говоров, вступивший летом 1942 г. в должность командующего Ленинградским фронтом, приказал перед началом концерта провести массированные обстрелы огневых позиций немцев, чтобы враг не сорвал концерт.

Концерт из Ленинграда на коротких радиоволнах транслировали на Москву, а Москва передавала по всей стране. Радиотрансляцию Седьмой симфонии из блокадного Ленинграда принимали даже в других странах. И там убеждались, что город жив, город не сломлен, город продолжает борьбу.

«ДОРОГА ЖИЗНИ»

Единственный путь, соединявший Ленинград с остальной страной, путь, по которому осуществлялось снабжение города продовольствием, а Ленинградского фронта – боеприпасами, – это был путь через Ладожское озеро. Дорогой жизни называли его жители осажденного Ленинграда.

Дорога жизни начала действовать с первых дней блокады: по Ладожскому озеру пошли корабли.

Уже 12 сентября 1941 г. на западный берег Ладоги прибыл пароход «Орел» с двумя баржами продовольствия. Навигация была сопряжена с огромными трудностями. На Ладоге частые штормы и туманы, обилие мелей. Для нормальной работы трассы не хватало плавсредств, необходимо было оборудовать порты, построить причалы и пирсы. Немцы пытались всячески помешать снабжению города водным путем, стремились оборвать тонкую нить, связывающую Ленинград со страной, непрерывными бомбардировками с воздуха и артиллерийскими обстрелами. Десятки кораблей с эвакуирующимися из блокадного Ленинграда людьми были потоплены: Дорога жизни для многих ленинградцев стала дорогой смерти.

В 1941 г. зима пришла очень рано, и уже в ноябре Ладожское озеро стало покрываться льдом. Судам с каждым днем все труднее было пробиваться к западному берегу.

20 ноября в путь через уже покрытую льдом Ладогу отправился конно-санный обоз. Еще не было понятно выдержит лед или нет: толщина ледового покрова в те дни составляла всего 18 сантиметров, поэтому сани даже не полностью загрузили мешками с продовольствием. Но лед выдержал. И через два дня по Ладоге пошла первая колонна грузовиков. Так 22 ноября 1941 г. начала работать ледовая Дорога жизни, официально называвшаяся Военно-автомобильной дорогой № 101 (ВАД- 101).

По ледовой дороге уже можно было доставлять гораздо больше грузов в осажденный Ленинград, чем по воде – вот почему 25 декабря 1941 г. нормы выдачи хлеба в городе были немножко подняты: минимальная норма составляла уже не 125, а уже 200 граммов. Но какой ценой были оплачены эти 75 добавленных граммов: только за первые полтора месяца работы ледовой Дороги жизни на дно Ладоги ушло 327 грузовиков. А ведь на тех же машинах, на которых в осажденный Ленинград доставляли по Ладоге грузы, обратно, из Ленинграда, вывозили в эвакуацию людей...

Водителям Дороги жизни приходилось вести машины с открытыми дверцами, чтобы в любой момент, как только под колесами развернется черная пасть ладожской воды, можно было бы выпрыгнуть из машины. Понимая, что каждый рейс – это спасенные жизни людей в осажденном городе, они делали по 2–3 рейса подряд. Чтобы от усталости не уснуть по дороге, они подвешивали в кабине над головой солдатские котелки, куда накладывали железные детали, камешки. «Котелком от сна» называли эту конструкцию ладожские водители.

Дорога жизни – это каждодневный подвиг, причем не только водителей, но огромного числа людей, обеспечивавших ее работу: дорожных рабочих (лед не выдерживал многотонных нагрузок – «уставал», поэтому маршрут трассы приходилось часто менять); зенитчиков, которые месяцами жили на ладожском льду, защищая небо над Дорогой жизни; медицинских работников (эвакуирующимся по Дороге жизни ленинградцам, измученным дистрофией, надо было оказывать медицинскую помощь...).

Нельзя не сказать об Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Эта служба поднимала со дна Ладоги затонувшие плавсредства, автомашины, боевую технику. Экспедиция участвовала в создании и оборудовании Осиновецкого порта, в прокладке через Ладожское озеро технических коммуникаций: телефонного и силового кабеля, трубопровода.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА.
СТРОИТЕЛЬСТВО ДОРОГИ ПОБЕДЫ.
СИЛЫ ВЕРМАХТА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Попытки разорвать блокадное кольцо вокруг Ленинграда начали предприниматься буквально с сентября 1941 г. Две военных операции – в 1941 г., две – в 1942-м. Но еще слишком малы были силы у Ленинградского фронта, и все эти операции закончились неудачей. Только пятая попытка деблокировать Ленинград – операция «Искра», предпринятая в январе 1943 г., увенчалась частичным успехом: в кольце блокады появилась небольшая брешь.

Подготовка к операции «Искра» велась с осени 1942 г. Командованием Ленинградского фронта под руководством маршала Говорова проводились тренировки по ведению наступательных операций на лесисто-болотистой местности и по наведению переправ для тяжелой артиллерии и танков, разрабатывались принципы применения артиллерии в предстоящей операции.

Самым узким местом блокадного кольца был так называемый Шлиссельбургско-Синявинский выступ – занятая немцами территория к югу от Невской губы. Немцы называли его «бутылочным горлом». Этот выступ образовался 8 сентября 1941 г., когда немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и захватили Шлиссельбург. Войска Ленинградского фронта стояли на правом берегу Невы, западнее «горла», войска Волховского – восточнее «горла». Их разделяли каких-то 12–15 километров! Задача стояла «срезать» этот выступ, ударив с обеих сторон – со стороны Ленинграда и со стороны Волхова. Тем самым была бы пробита брешь в кольце блокады.

Операция «Искра» началась утром 12 января 1943 г. Войска Ленинградского фронта приступили к форсированию Невы по льду. Под бешеным огнем противника надо было преодолеть 600 метров (именно такую ширину имеет Нева в тех местах) и закрепиться на левом берегу. Левый же берег Невы довольно крутой (до 14 метров высотой), а главное – он был буквально нафарширован немецкими дотами. Поэтому задача, стоявшая перед советскими войсками, была исключительно сложной.

Наиболее успешно действовала 136-ая дивизия генерала Николая Павловича Симоняка. Она в считанные минуты преодолела по льду Неву и вступила в бой за левый берег. Бойцам Симоняка удалось переправить через реку даже артиллерийские орудия и танки.

А навстречу войскам Ленинградского фронта в тот же день, 12 января 1943 г., начали прорываться войска Волховского фронта — 2-ая ударная и 8-ая армии. Здесь советские войска сумели добиться успеха в первые дни лишь на правом фланге наступления, на левом фланге противник удерживал позиции до последних дней операции.

И все же через несколько дней ожесточенных сражений 18 января 1943 г., фронтам удалось соединиться и освободить Шлиссельбург. Так в кольце блокады появилась небольшая брешь – узкий коридор, шириной около 10 километров.

Советские войска вели наступательные бои вплоть до апреля 1943 г. Было предпринято несколько попыток освободить поселки Мга и Синявино, но сил не хватило. 2 апреля 1943 г. советским командованием был отдан приказ прекратить наступление и перейти к обороне.

Несмотря на то, что полностью прогнать немцев от стен Ленинграда не удалось – все

железные и автомобильные дороги по-прежнему оставались в их руках, появившаяся в кольце блокады брешь в корне меняла ситуацию: ведь через этот освобожденный от немцев коридор можно было построить железную дорогу и наладить по ней снабжение Ленинграда и Ленинградского фронта...

На следующий день после прорыва блокады 19 января 1943 г., через освобожденный от немцев коридор начали прокладывать железную дорогу – от Полян на Шлиссельбург. Предстояло построить 33 километра железнодорожных путей через леса и незамерзающие торфяные болота, возвести три моста (в том числе и мост через Неву в районе Шлиссельбурга). А главное – дорогу предстояло прокладывать буквально «под носом у немцев»: в 4–5 километрах от их позиций, иногда – в прямой видимости. Эту дорогу построили всего за 17 дней! 7 февраля 1943 г. по железной дороге в осажденный Ленинград прибыл первый после начала блокады поезд. Благодаря Дороге победы город и армия усилили подготовку к решающей битве за полное освобождение Ленинграда от блокады. Улучшилось не только снабжение населения города продовольствием, а Ленинградского фронта – оружием и боеприпасами, – стали оживать ленинградские заводы, потому что на них по Дороге победы стали поступать топливо и сырье.

ГОЛОД

Много горя принесли ленинградцам бомбежки и обстрелы, но еще страшнее был голод. Взять Ленинград измором, уморить ленинградцев голодом – вот на что делал главную ставку Гитлер. В этом заключалась циничная логика войны: зачем рисковать жизнью летчиков, зачем тратить лишние снаряды, когда город при без подвоза продовольствия умрет и так, и весной его можно будет взять голыми руками.

Чтобы предотвратить надвигающийся голод, в Ленинграде еще 18 июля 1941 г, то есть до начала блокады, ввели нормированное распределение продуктов. Продовольственные нормы поначалу были довольно большими, и жители города, еще не понимая, что их ожидает в дальнейшем, даже не всегда выкупали все полагающиеся им продукты. А вот осенью нехватка продовольствия стала давать о себе знать, и стены ленинградских домов к октябрю буквально пестрели объявлениями «Меняю на продукты!».

В магазины выстраивались огромные очереди. Их занимали в три-четыре утра, люди стояли часами, на морозе, под рвущимися бомбами и снарядами в надежде отоварить продовольственные карточки. Но это удавалось не всегда: с ноября 1941 г. в город бесперебойно поступал только хлеб. Его завозили через Ладожское озеро, на баржах и судах. Но этот путь позволял обеспечить лишь небольшую часть потребностей города и Ленинградского фронта в продуктах. Поэтому нормы хлеба становились все меньше и меньше. В 1941 г. их снижали пять раз. А 20 ноября нормы продажи хлеба стали совсем маленькими: рабочим полагалось по 250 граммов хлеба в день, а две трети населения города – служащие, неработающие и дети – могли приобрести всего по 125 граммов.

Это катастрофическое снижение норм продажи хлеба было связано с тем, что 8 ноября немцы захватили Тихвин, то есть возникла угроза второго кольца блокады, когда снабжение Ленинграда через Ладогу стало бы уже невозможным. Кроме того, в середине ноября Ладожское озеро покрылось льдом, и завозить хлеб по воде стало невозможно, а ледовая дорога через Ладогу еще не была открыта.

Норма в 125 граммов существовала 35 дней – с 20 ноября по 25 декабря 1941 г., потом в связи с открытием ледовой дороги через Ладогу они были немного увеличены: минимальная норма хлеба с 25 декабря стала составлять уже 200 граммов....

При этом следует иметь в виду, что блокадный хлеб – это вовсе не тот хлеб, который мы с вами едим сегодня. Блокадный хлеб только наполовину состоял из ржаной муки, остальное в нем составляли суррогаты: отруби, ячменная мука, солод, жмых льняной и конопляный, рисовая лузга, обойная пыль, встряска из мешков, мучные сметки и т.д.

Чтобы выжить, ленинградцы были вынуждены использовать в пищу всевозможные заменители еды. В левой части встроенной витрины представлены те заменители еды, которые употребляли в пищу в блокадном Ленинграде. К примеру, брали кожаный брючный ремень, резали его на кусочки и долго-долго варили, пока вода не приобретала бурый цвет, напоминавший бульон. Вываренную кожу мололи на мясорубке и заправляли этим «фаршем» получившееся варево. Большой популярностью в блокадном Ленинграде пользовались плитки столярного клея, которые тоже можно увидеть витрине. Их покупали за большие деньги у спекулянтов на черном рынке и варили из них студень.

Уже в первую блокадную зиму встретить в городе бродячую кошку или собаку стало почти невозможно. Даже голуби – и те были съедены!

Жители блокадного Ленинграда умирали от страшной болезни, вызванной недоеданием – болезни, которая по-научному называется алиментарной, то есть пищевой, дистрофией. Во

всем мире эту болезнь сегодня называют «ленинградской болезнью», потому что впервые подробно изучена и описана она была врачами блокадного Ленинграда.

Уже в ноябре 1941 г. количество смертей среди жителей города составило 11 тысяч человек. В декабре – 53 тысячи, а дальше, вплоть до мая 1942 г. в среднем в месяц умирало до 100 тысяч человек. Только в мае 1942 г. эти страшные цифры пошли на убыль.

МПВО

За два с половиной года блокады немецкая авиация разрушила около 28% ленинградских зданий. От бомб и снарядов погибли 17 тысяч мирных жителей, 34 тысячи получили ранения.

Уголок бомбоубежища: тусклая синяя лампочка под потолком, толстые каменные стены, бак с водой.... Такие бомбоубежища были оборудованы в начале войны, еще до блокады, в подвалах домов, чтобы жители могли укрыться от бомбежки или артобстрела. Всего к началу блокады было оборудовано около 4,6 тысяч бомбоубежищ. Бомбежки не заставили себя ждать.

8 сентября 1941 во время первого массированного налета на город немецко-фашистской авиации зажигательными бомбами были подожжены Бадаевские склады. На них хранились продовольственные запасы города – мука, сахар, жиры и т.д. В сознании ленинградцев этот пожар – одна из главных причин страшного голода, который пришлось пережить им в первую блокадную зиму. На самом деле это было не совсем так. Продуктов, которые сгорели на Бадаевских складах, хватило бы максимум на месяц. В городе не было стратегических запасов продовольствия. Он питался «с колес». Тем не менее этот пожар стал одной из трагических страниц блокадной истории.

Фашисты забрасывали Ленинград фугасными и зажигательными бомбами. Внутри фугасной бомбы находится взрывчатое вещество. Поражающее действие связано с ударной волной, и разлетающимися осколками корпуса, образующимися при взрыве. Эти бомбы предназначались для разрушения зданий.

Особенную ставку немцы делали на зажигательные бомбы – так называемые «зажигалки». В отличие от «фугасок», «зажигалки» не взрывались, а при ударе начинали нагреваться. За считанные минуты их температура достигала 3000 градусов. При такой температуре все вокруг начинало гореть. Главная цель зажигательной бомбы – вызвать пожар.

Но с «зажигалками» можно было бороться, если ее вовремя заметить. Пока все вокруг не запылало, надо было схватить упавшую на крышу «зажигалку» к примеру, кузнечными щипцами и сунуть ее в ящик с песком. Песок оплавится, но пожар будет предотвращен. Вот почему, когда звучал сигнал воздушной тревоги, тысячи подростков, пожилые женщины – «тети Даши», которые изображены на плакате тех лет, спешили не в бомбоубежища, а на крыши нести боевое дежурство. Это была служба МПВО – местной противовоздушной обороны. На крышах были оборудованы специальные посты – пожарный щит, на котором имелись кузнечные щипцы, ящик с песком.

Благодаря четко действующей службе МПВО, в которой состояли 270 тыс. ленинградцев, большая часть возгораний тут же тушилась. Благодаря бойцам МПВО – мальчишкам, девчонкам, домохозяйкам, Ленинград никогда не горел так, как горел, к примеру, Лондон. Хотя на город за два с половиной года было сброшено более 100 тысяч зажигательных и более четырех с половиной тысяч фугасных бомб. Особенно жестоким бомбардировкам город подвергался в первые месяцы блокады. Более половины всего количества бомб были сброшены в первые три блокадных месяца в 1941 г.

Самая тяжелая бомбежка – 19 сентября 1941 г. Сигнал воздушной тревоги подавался шесть раз, она продолжалась семь с половиной часов. Только фугасных бомб в этот день было сброшено 528. Разрушено 80 жилых домов, убито 254 человека, а кроме того, разрушен и сожжен эвакогоспиталь на Суворовском проспекте, в котором заживо сгорело 600 человек.

Бомбежки – это страшная вещь, но еще страшнее были артобстрелы. О бомбежках загодя предупреждал сигнал воздушной тревоги, и ленинградцы могли успеть укрыться в бомбоубежище. Артобстрелы же начинались всегда внезапно.

Немцы начали обстреливать город 4 сентября 1941 г. и обстреливали его ежедневно, на протяжении всей блокады, вплоть до 22 января 1944 г.. Обстреливали фугасными, зажигательными, осколочными снарядами. Последними прицельно стреляли по местам скопления людей – по остановкам трамваев, хлебным очередям, школам.

Сами немцы понимали античеловеческую суть этих варварских артобстрелов. По воспоминаниям Ольги Берггольц, многие пленные немцы в 1944 г. заявляли: «Я не стрелял по Ленинграду!» или «Меня заставили, я был против...Это все наш офицер...».

Всего в Ленинграде от бомбежек и обстрелов погибло около 17 тысяч человек, 34 тысячи было ранено.

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Пожалуй, самым драматичным во время ленинградской блокады было то, что в городе оставались дети. Около 400 тысяч детей находилось в Ленинграде осенью 1941 г. Они наравне со взрослыми переживали все тяготы и лишения блокадного времени: голод, холод, увечья в результате бомбежек и обстрелов, потерю родных и близких.

Многих детей, оставшихся без родителей, спасли комсомольские бытовые отряды и санитарные дружинницы Общества Красного Креста. В городе был выдвинут лозунг: «Ни одного беспризорного в Ленинграде!». Если в опустевших квартирах обнаруживались дети, оставшиеся совсем одни или с обессилившими, недееспособными родными, их забирали в детдом. В 1942 г. только санитарными дружинницами было спасено от гибели более 7 тысяч сирот, за всю блокаду – почти 17 тысяч.

Очень важна была моральная поддержка детворы. Даже в первую блокадную зиму проводились новогодние «елки». В канун нового 1942 г. в город на самолетах были завезены 600 елок. Перед детьми выступали артисты, устраивался праздничный, по тогдашним меркам, обед, раздавались подарки.

Даже в самое тяжелое время – зимой 1941–1942 гг. в городе работали 39 школ (их номера выписаны на школьной доске). Начиная с 7-го класса школы было посещать обязательно, до 7-го класса – по желанию. Но дети хотели ходить в школы: прежде всего потому, что в школах было не так страшно, как дома: ведь матери многих детей вынуждены были работать, и те оставались одни. Кроме того, в школах уже в 1942 г. стали раз в день кормить горячей похлебкой. Ее готовили из белковых дрожжей (выпуск которых был налажен в блокадном Ленинграде в 1942 г.: их добывали методом гидролиза из целлюлозы).

Дети наравне со взрослыми принимали непосредственное участие в жизни блокадного Ленинграда, были его защитниками. Ленинградские подростки тушили на крышах зажигательные бомбы, помогали по хозяйству, ухаживали за ранеными воинами в госпиталях, работали у станков, пытаясь заменить ушедших на фронт отцов. Родина по достоинству оценила деятельность юных защитников города: 15 тысяч ленинградских детей были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛЕНИНГРАДА ОТ БЛОКАДЫ

Осенью 1943 г. шла усиленная разработка плана операции по полному освобождению Ленинграда от блокады. Накануне операции были усилены пропаганда и агитация как среди наших войск, так и среди войск противника.

С ноября 1943 г. по январь 1944 г. на Ораниенбаумский плацдарм, находящийся к западу от Ленинграда втайне от немцев на кораблях Балтийского флота через Финский залив была переброшена 2-я ударная армия (около 50 тысяч бойцов, почти 200 танков, более 650 артиллерийских орудий). Немцы так и не узнали об этой передислокации. 14 января 1944 г. с Ораниенбаумского плацдарма 2-я ударная армия перешла в наступление: ударила в тыл немцам под Ропшей. В этот же день в районе Новгорода боевые действия начали войска Волховского фронта. 15 января со стороны Ленинграда, с Пулковских высот, удар по врагу нанесли 42-я и 67-я армии. В результате упорных боев мощная оборона немцев была прорвана. К 27 января 1944 г. наши войска отбросили врага от Ленинграда на 65–100 километров, освободили более 700 населенных пунктов. Кольцо вокруг города было полностью разрушено.

Наступление наших войск под Ленинградом продолжалось до 1 марта 1944 г. К этому времени войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов отбросили врага на 180–280 километров на запад и освободили почти всю Ленинградскую область (до войны в нее входили нынешние Псковская и Новгородская области, а также часть Калининской).

26 дивизий группы армий «Север» были разбиты, три полностью уничтожены. Тем не менее группа избежала полного разгрома: войска отошли за сильно укрепленную линию «Пантера». Там загнанный, но все еще очень опасный, враг отсиживался до лета 1944 г. – до очередного советского наступления. В ходе Псковско-Островской операции (17–31 июля 1944 г.) войска 3-го Прибалтийского фронта, образованного из армий Ленинградского фронта, прорвали рубеж «Пантера», освободили Псков и Остров, отбросили немцев на 50 – 130 километров на запад и создали условия для освобождения Прибалтики. Последние снаряды разорвались на улицах Ленинграда в ночь с 22 на 23 января 1944 г. Утром 23 января в городе наступила тишина.

НОВИКОВ

Виктор Сергеевич

1929 – 2014

Советский и российский скульптор, график, писатель, член Союза художников России, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии Ленинского комсомола и международной премии имени Н. К. Рериха. В 1965–2014 годах заведовал кафедрой скульптуры в Санкт-Петербургском художественном училище им. Н. К. Рериха.

Виктор Сергеевич Новиков после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной в 1954 году (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица) многие годы плодотворно работал в области монументальной скульптуры. Вместе с группой сокурсников по училищу он создал в 1960–1970-е годы ряд монументальных ансамблей. Среди них—памятник пионерам-героям в Таврическом саду, памятник ополченцам Кировского завода в деревне Воронино в Новгородской области, монумент Победы в Великой Отечественной войне в Бежецке. Эти работы отличались смелым синтезом скульптурного и архитектурного решения, яркой публицистичностью. В 1980-е годы Новиков вместе со своими учениками создал уникальный мемориальный комплекс в деревне Кирково в Тосненском районе Ленинградской области—посвящённый расстрелянным детям скульптурный реквием, обладающий особой теплотой и человечностью.

Постепенно, в период творческой зрелости, в 1980–1990-е годы главной темой произведений Виктора Новикова становится блокада Ленинграда. Это было связано с потребностью более интимного, личного высказывания, с интересом к скульптуре и графике станковых форм.

Детство и отрочество Виктора Сергеевича прошли в посёлке Лисий Нос, недалеко от Санкт-Петербурга, на берегу Финского залива. Он пережил блокаду мальчиком, оставшись один с тяжело больной матерью, его отец, старшие братья и сестра ушли на фронт. Он стал свидетелем и участником блокадной трагедии, не дававшей ему покоя спустя многие годы после войны. Не случайно книгу своих рассказов – воспоминаний, написанных в 1980–1990-е годы и вышедшую в издательстве «Детгиз» в 2009 году, он назвал «Блокада снится мне ночами».

В «Блокадную сюиту», созданную Виктором Новиковым, вошли его проза, станковая графика, станковая скульптура. Мыслящий, рефлексирующий человек и художник, Новиков вновь и вновь восстанавливал в памяти фрагменты, эпизоды, сюжеты блокадного времени, столь далёкого и одновременно приближенного как состояние сна. В его рисунках нет резких тональных контрастов, он говорит со зрителем на языке плавных линий, полутонов. Утончённые силуэты его героев почти бесплотны. Как все блокадники, существовавшие на грани смерти, изображённые им люди воспринимаются как фантомы, призраки, пришедшие из «блокадного сна». Тяжелейшие, трагические переживания смягчены оттенком лёгкой грусти, теплотой и нежностью—к матери, к умершему другу Серёже Канцыреву, к умершим и выжившим людям, согревшим Виктора своим теплом, к соседям по Лисьему Носу, к случайным солдатам, встретившимся на пути, к учителю, направившему на правильную дорогу в жизни, к раненой лошади. И сама победа в его восприятии окрашена в оттенок грусти, памяти о погибших. Не случайно один из последних листов блокадной серии иллюстрирует строки из стихотворения Юрия Воронова: «Мне кажется, когда гремит салют, Погибшие блокадники встают». Это самый сложный по композиции и символизму образов лист серии.

Скульптурные работы «Блокадной сюиты» решены в обобщённой пластической форме. В них есть и экспрессия, перенапряжение чувств, как в композиции «Обстрел на Невском», и более спокойные, статичные композиции, воплощающие тему мужества и непокорённости ленинградцев, чаще всего связанные с женскими образами.

Виктор Новиков успел при жизни, в 2014 году издать книгу о своём творчестве. Он писал: «В моей блокадной теме точка ещё не поставлена, я продолжаю работать. В мастерской рождается памятник для Лисьего Носа, через который проходила Малая Дорога жизни. На наших глазах все четыре года войны шло обеспечение продовольствием, боеприпасами всего северного укрепрайона, фортов Кронштадта и Ораниенбаумского пятачка. От нас на снятие блокады переправлялась многотысячная 2-я ударная армия».

8 мая 2015 года в Лисьем Носу был торжественно открыт созданный Новиковым памятник, посвящённый Малой Дороге жизни,—фигура солдата в шинели на гранитном постаменте с фонарём в руках и четыре стелы с барельефами на тему войны. Открытие этого памятника стало данью памяти и признания скульптору Виктору Сергеевичу Новикову, его гражданскому подвигу, его жизни в искусстве.

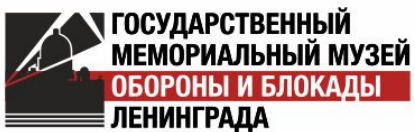
Е.А. Харлашова

*Хранитель фонда живописи, скульптуры, графики
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда,
искусствовед, член Союза художников России.*

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

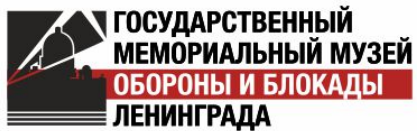

Памятник расстрелянным
в городе Новая Одесса
СССР, 1983 г.

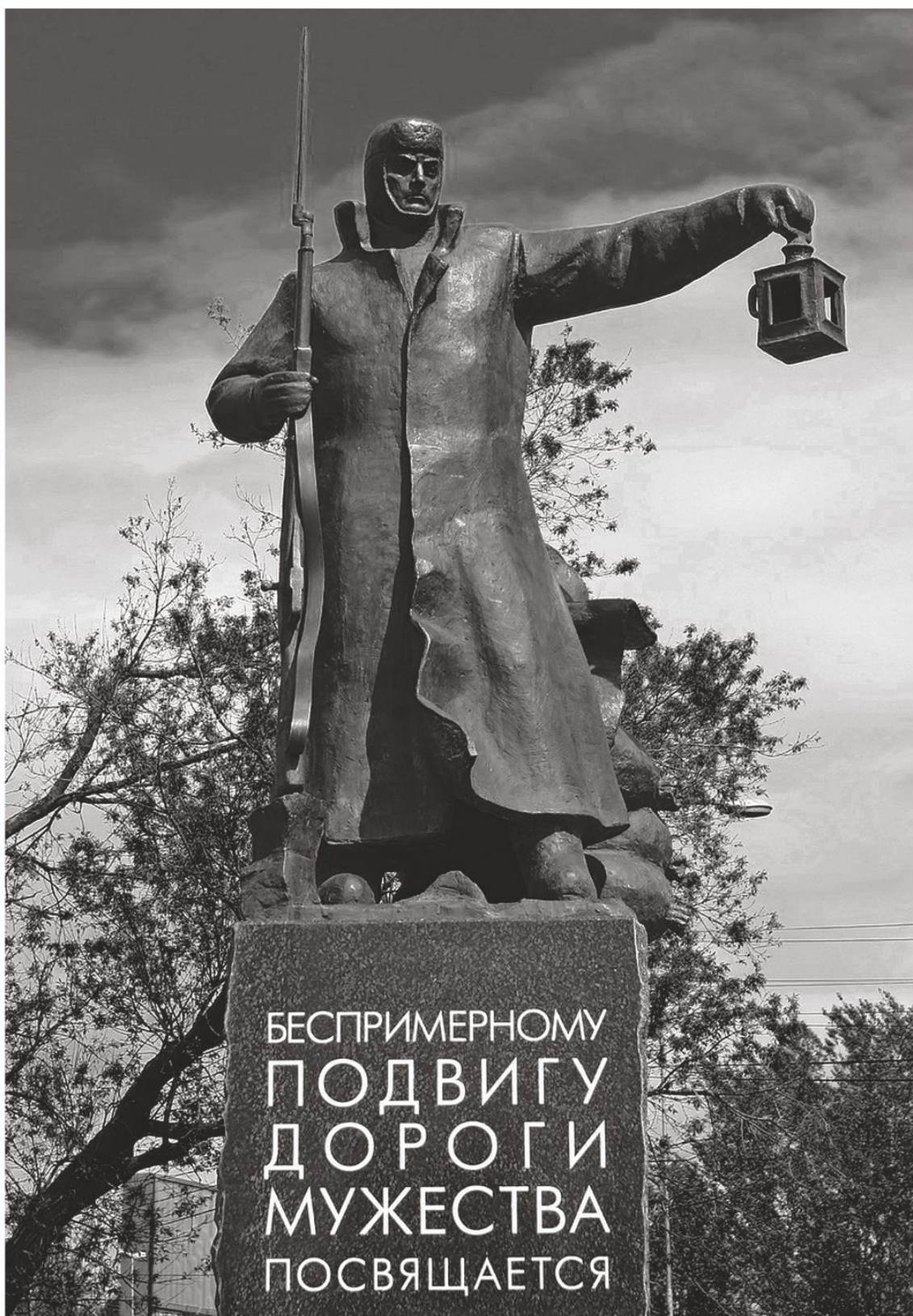

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

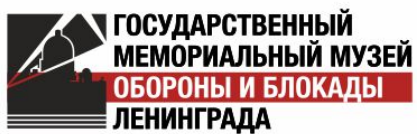
Мемориальный ансамбль
в деревне Кирково в Тосненском районе
Ленинградской области
СССР. 1980-е гг.

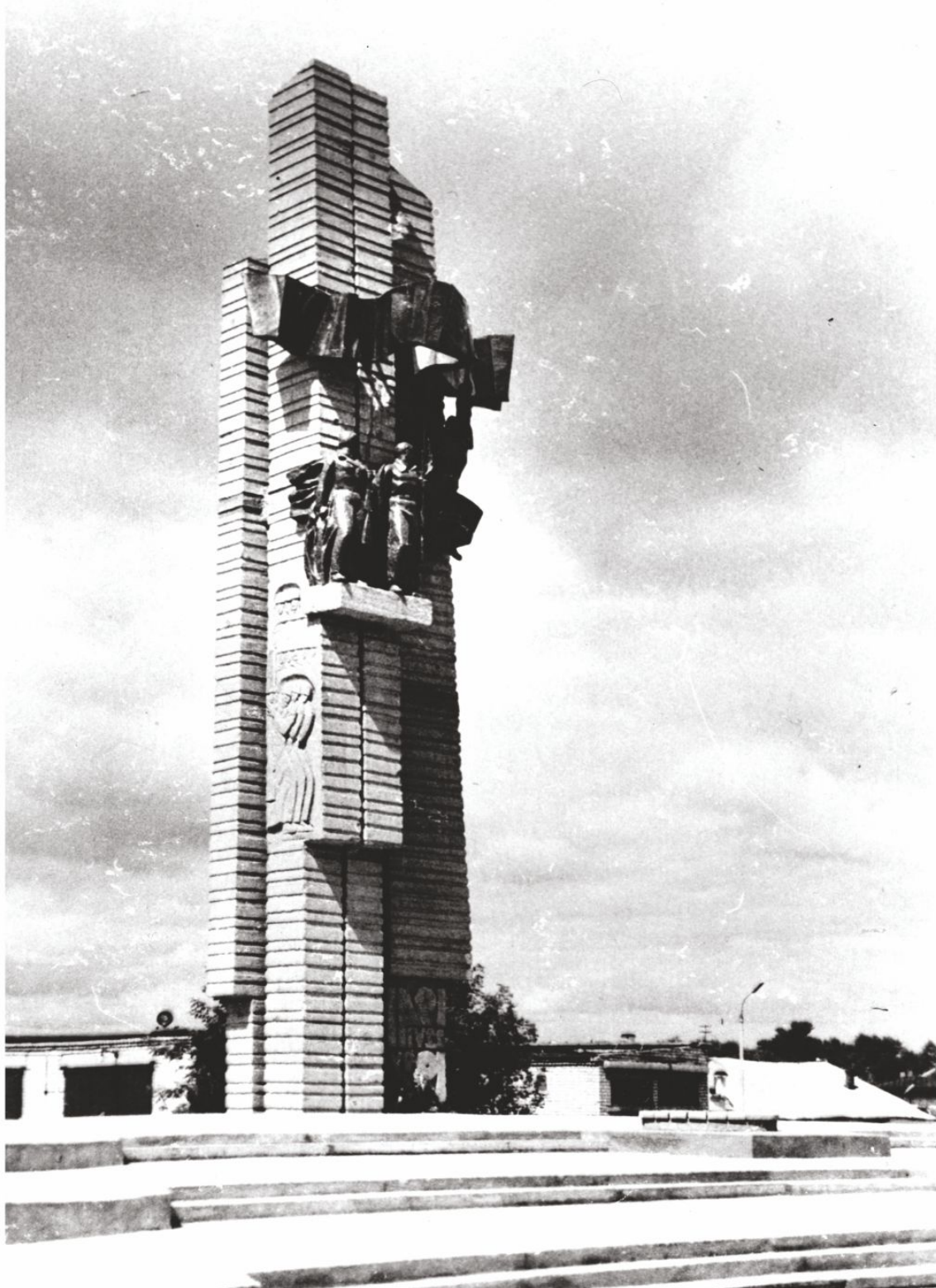
БЕСПРИМЕРНОМУ
ПОДВИГУ
ДОРОГИ
МУЖЕСТВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

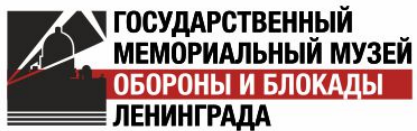

Памятник Малой Дороги Жизни
в Лисьем Носу
2015 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монуменальные работы Виктора Новикова

Памятник Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945 годов в Бежецке
1975 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

Фрагмент композиции «Блокадные двери».
Диорама «Прорыв блокады Ленинграда»
Бронза
1985 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

Памятник. Фигура воина со щитом.
Установлен между Новгородом и Старой Руссой.
Конкурс 1955 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

Открытие памятника
«Юным героям обороны города Ленина»
в Таврическом саду.
1962 г.

Обсуждение модели памятника
«Юным героям обороны города Ленина»
в Таврическом саду.
(слева – направо: Виктор Новиков,
Александр Алымов, Иван Костюхин)

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монументальные работы Виктора Новикова

Фрагмент памятника
«Шахтёрам-солдатам» в городе
Красный Луч на Украине.
1966 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Монуменальные работы Виктора Новикова

Памятник
ополченцам Кировского завода
в деревне Воронино Новгородской области.
1963 г.

ВЫСТАВКА

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Блокада Ленинграда в творчестве Виктора Новикова

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Скульптуры Виктора Новикова

«Обстрел на Невском»
Металл.
СССР. 1985 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Скульптуры Виктора Новикова

«На крышах Ленинграда»

Металл,
СССР, 1986 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Скульптуры Виктора Новикова

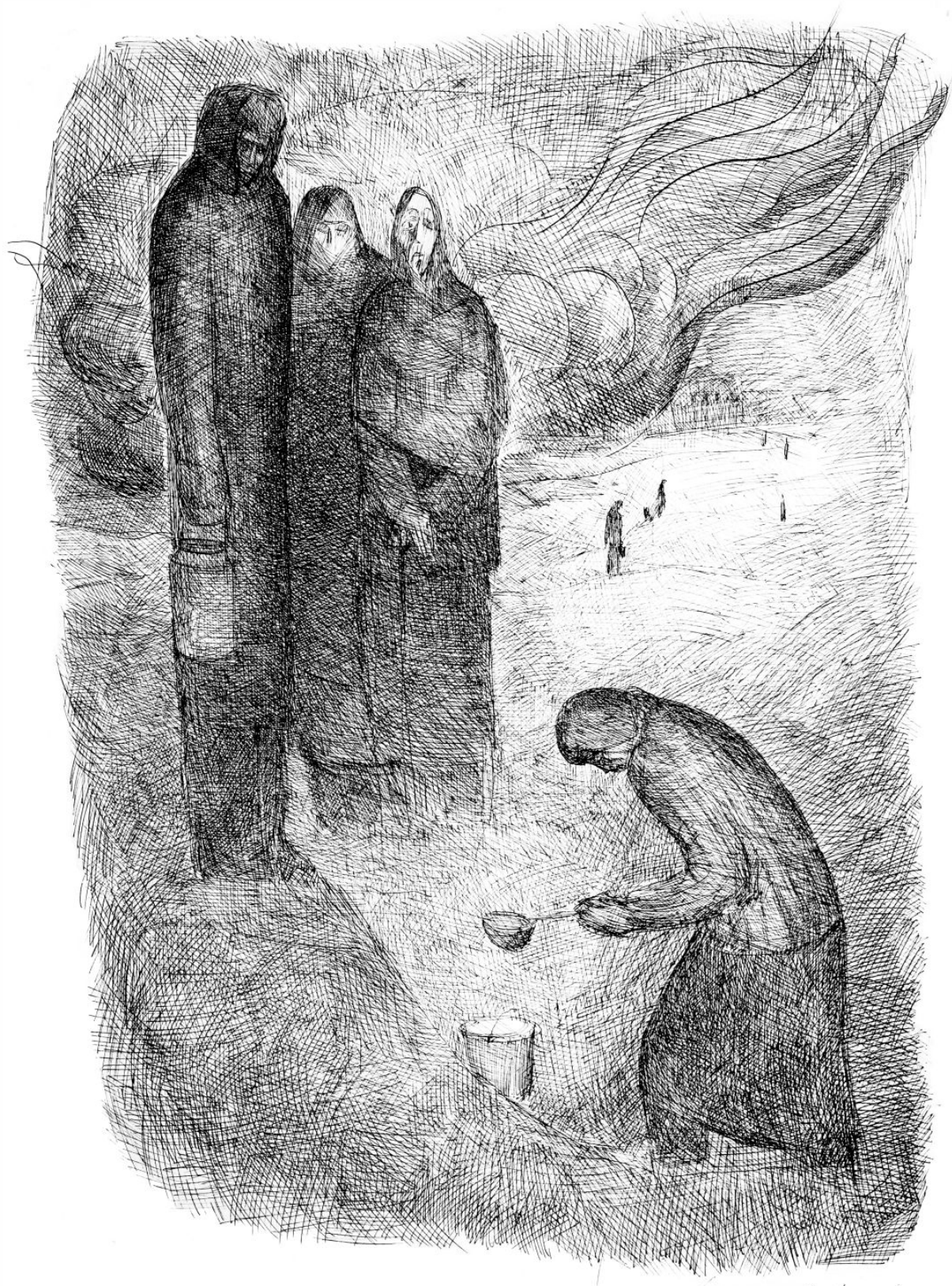

«Смерть художника»
Метал.
СССР. 1981 г.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Скульптуры Виктора Новикова

«На Неву за водой»
1942 г.
В. Новиков

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«На Неву за водой»
Бумага, тушь, перо.
СССР, 1973 г.
Р.: 61,5x42,9 см.см.

—Да блокада снится мне ночами! Чтоб как то избавиться от боли, многое записываю и делаю о блокаде графические листы. О бомбёжках, о сценах на улицах блокадного Ленинграда. О том, что кем то забылось, а многие и не знают про блокаду. Я же видел всё своими глазами. Книгу бы составить...

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

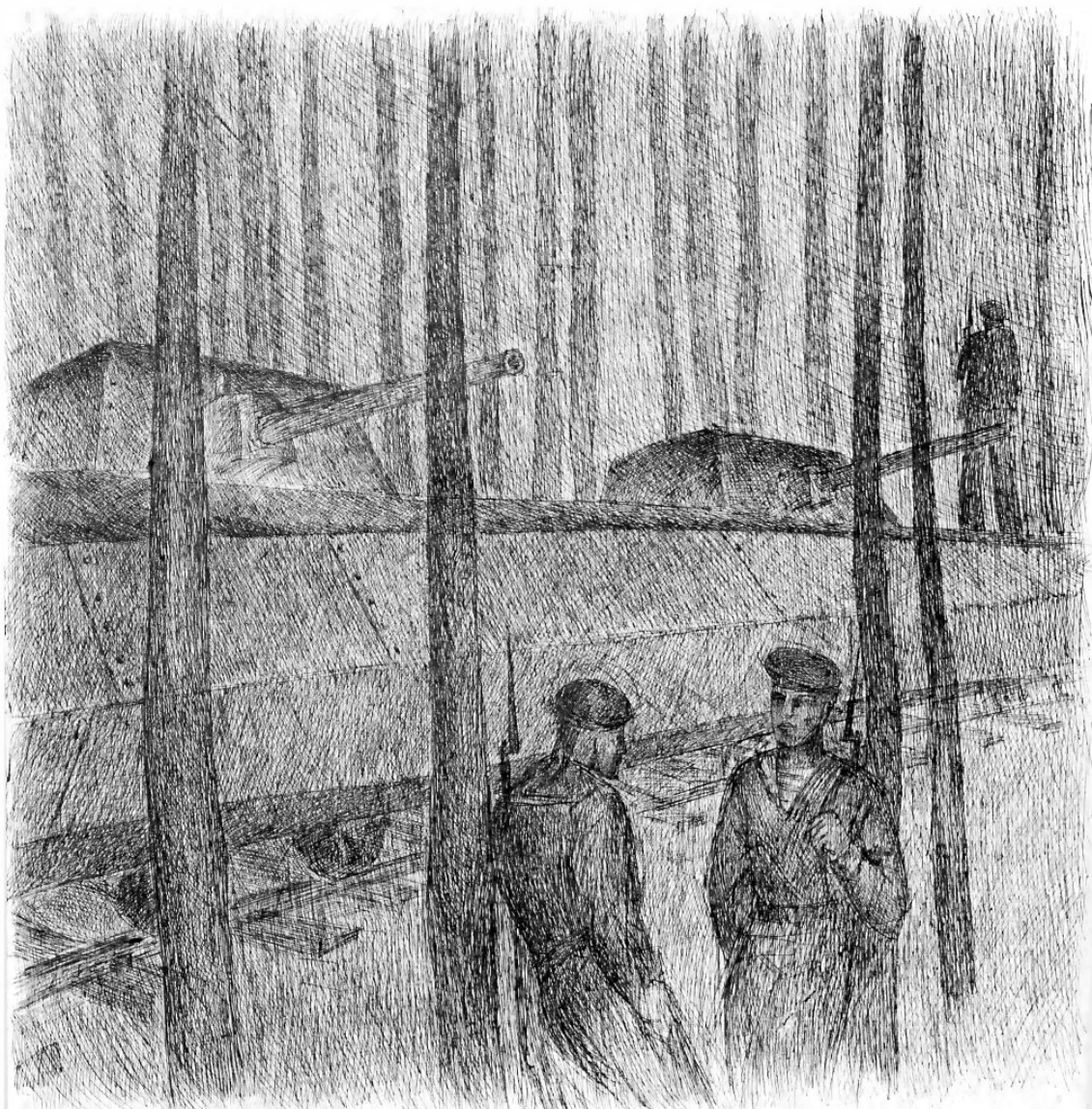
Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Женщины под бомбёжкой»

Бумага, тушь, перо.
СССР, 1990-е г.
Р.: 59,0x56,8 см.

Лавина немецких самолётов снижалась, шла на нас. Они были так низко, что можно было рассмотреть на крыльях фашистские кресты. Потом самолёты делали стройный по-ворот и уходили на Кронштадт. Сначала мы видели только огромные столбы воды от разрывающихся бомб, а потом город превратился в месиво: всё дымилось и кипело, бомбы ложились и на город, и на корабли.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

«Бронепоезд в Лисьем Носу»

Бумага, тушь, перо.
СССР, 1980 г.
Р.: 59,6x58,3 см.

Днём по новой дороге прошёл бронепоезд, его вёз паровоз, а на открытых платформах стояли огромные пушки, снятые с кораблей. Дорога начала жить новой жизнью, работала круглые сутки. Ночью по ней шли составы, они везли оружие, еду, боеприпасы, а с пирса под огнём уходили маленькие буксиры работяги. Они доставляли всё это мужественным бойцам Кронштадта и Ораниенбаумского пятачка.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Минное поле между Ольгино
и Лисьим Носом.»

Бумага, тушь, перо.
1990-е г.
Р.: 51,5x40,0 см.

Уже второй месяц идёт война. Большая часть жителей из нашего пригородного посёлка Лисий Нос выехала—кто куда. Через посёлок идут и идут составы, люди покидают Ленинград.

Немец подошёл к Ленинграду вплотную. Наш берег весь изрыт траншеями, блиндажами, вкопаны орудия и свежие бетонные надолбы.

*"Ленинград в осаде"
"В период в госпитале"
В. Новиков 1973.*

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«В голод в госпитале»

Бумага, тушь, перо.
СССР. 1973 г.
Р.: 61,5х43,0 см.

Я уже два дня не ходил в госпиталь, потому что мой подопечный поправился и вернулся в часть. Перед отправкой он зашёл в школу, вызвал меня, и мы с ним попрощались. Но на другой день я уже знал, что привезли новых раненых, потому быстро сделал уроки, маме сказал, что ухожу в госпиталь до позднего вечера. Обычно в такие дни в госпитале было не до нас: раненым оказывают первую помощь, идут срочные операции. Это потом нас попросят посидеть в палате и помочь сёстрам, которые работают из последних сил.

*Дорогой ценой достался прорыв в блокаду Ленинграда
18.04.60 рз 1943 1896 Ленинградский и Волховский фронт соединяется*

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

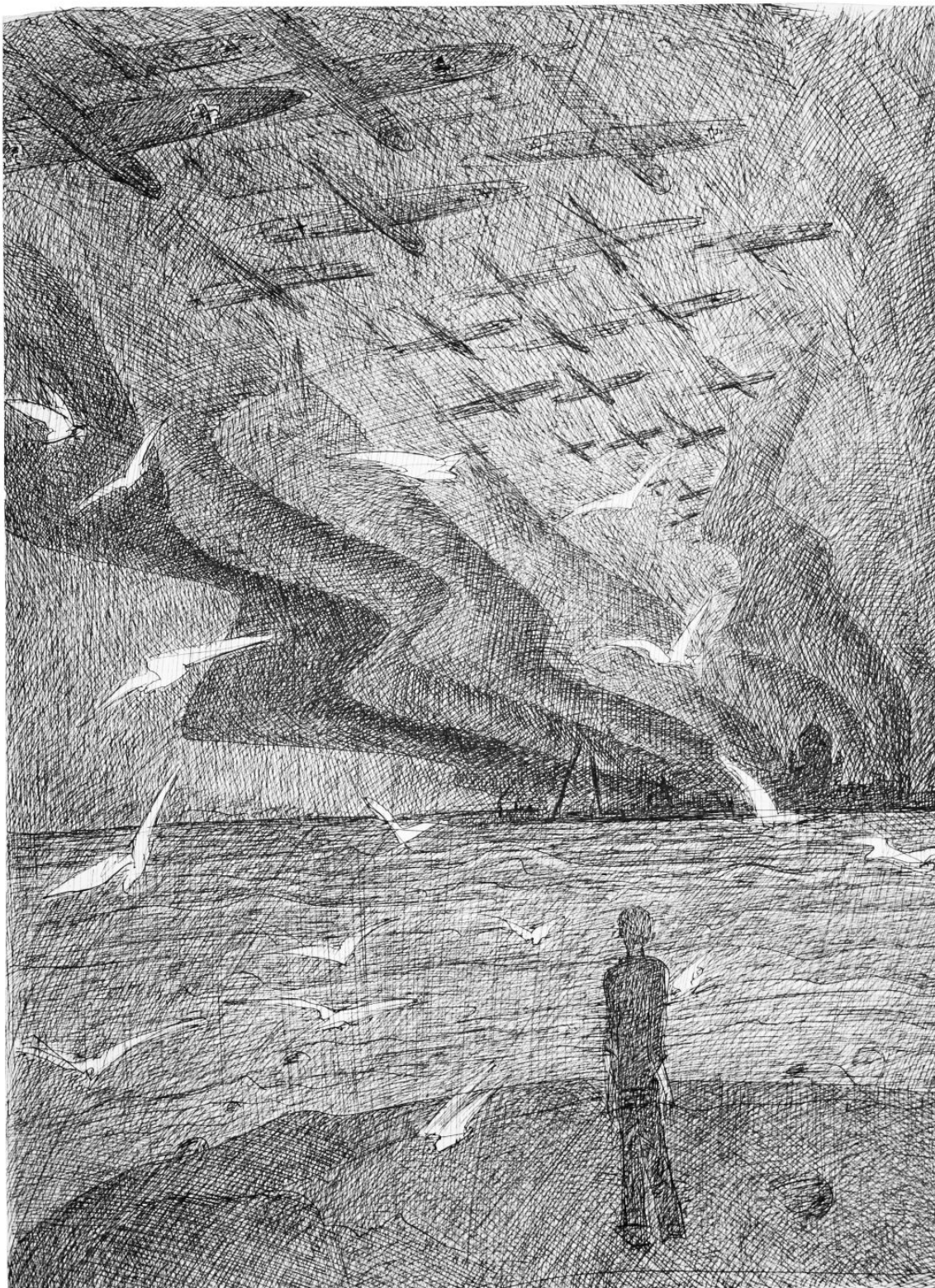
Графика Виктора Новикова

Я вспомнил, что совсем немного времени прошло с тех пор, как наши мальчишки из десятого класса добровольно ушли защищать страну. Я вспомнил, как ранним утром стоял густой туман, уходили они из посёлка с тяжёлыми винтовками за плечами. Лица их были хмуры, потому что им хотелось выглядеть взрослее.

«Дорогой ценой
достался прорыв блокады
Ленинграда»

Бумага, тушь, перо.
РФ. 1993 г.
Р.: 65,3х49,6 см.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

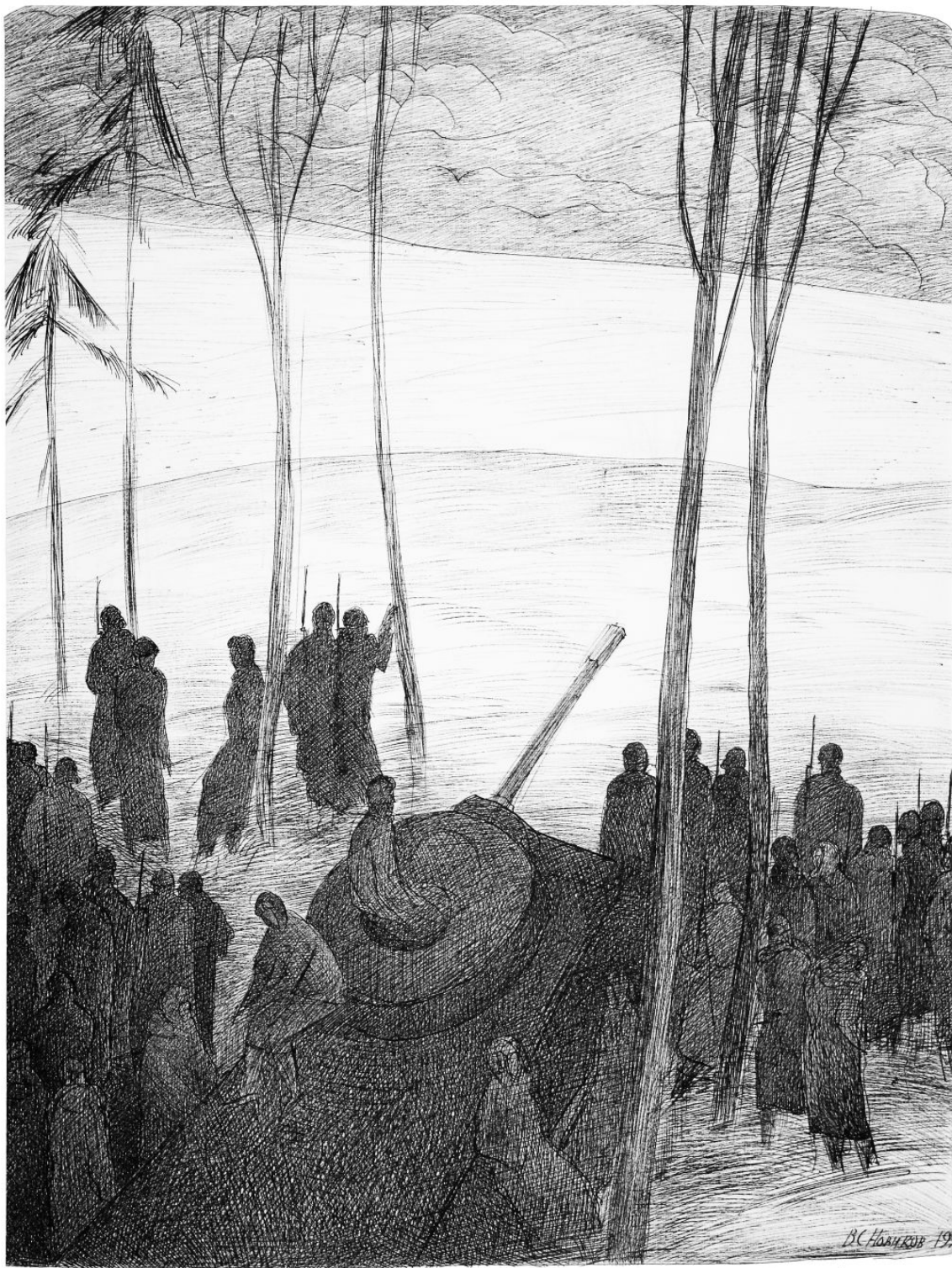
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Чайки и немецкие самолёты»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 75,0x55,0 см.

Страшное предчувствие усиливают и нагнетают плач и стоны чаек. Они суетятся, издают крики жалобные, гнетущие, а порой пронзительные и призывающие. Они то поднимаются высоко в небо и там парят на ветру, то с криком носятся над тобой, как бы прося о помощи. Чайки разные, одни—небольшие, белоснежные с красными клювами, облают большой скоростью и стремительным полётом. У других, крутных альбатросов с огромным размахом крыльев, плавный могучий полёт. Я никогда ещё не видел на нашем берегу такого скопления чаек. Что с ними сегодня происходит?

Я посмотрел на солнце—но что это?—солнца не видно, по заливу поползла чёрная тень. Странные, незнакомые ещё звуки разорвали небо: это со стороны Петергофа плотно шли немецкие самолёты. Их было так много, что небольшой кусок неба над заливом был ими закрыт, как чёрной тучей.

Перед прорывом блокады Ленинграда 12 января 1943

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

Жили мы всё так же вдвоём с мамой. Я ходил в шестой класс, в старую деревянную лисьеносовскую школу. Учился средне, но очень любил рисовать. Рисовал на уроках, рисовал дома, но почему то рисовал всё, кроме войны. А война шла. Через посёлок проходили на фронт танки, по льду, к Ораниенбаумскому пятаку, шли обозы с оружием.

«Перед прорывом блокады Ленинграда»

Бумага, тушь, перо, карандаш.
РФ, 1993 г.
Р.: 65,5x49,9 см.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«По Неве плыли битые немцы»
Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р: 51,5x40,0 см.

Нева забита льдом. Сколько можно видеть—от Смольного и до Кировского моста—везде лёд и везде немцы. Их не одна сотня, и все они разные. Они и лежат по-разному: кто то в полном обмундировании, а некоторые даже и без касок. На некоторых льдинах по несколько человек, на других—по одному. Многие ещё не совсем вытяжи и видны не полностью...

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

«Из блокадного детства.
Сергей умер, не дочитав
Тома Сойера»
Бумага, тушь, перо.
СССР. 1982 г.
Р.: 61,5x43,0 см.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

Потом я вспомнил про лепёшки, достал их из кармана, развязал тряпочку, положил лепёшки на край одеяла. Но почему то он есть их не стал, улыбнулся, опять взял меня за руку и долго её держал. Через какое-то время ему стало тяжело держать мою руку, хотя моя рука тоже ничего не весила, но я почувствовал это и сам взял его руку. Ладонка у него была холодная и казалась совсем безжизненной. Белый цвет его руки сливался с полотном одеяла, и только множество синих жилок, по которым текла голодная детская кровь, говорили о его еле теплящейся жизни.

*Зимой 1942 учитель сел
на санки с портфелем* Виктор Новиков 1984

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

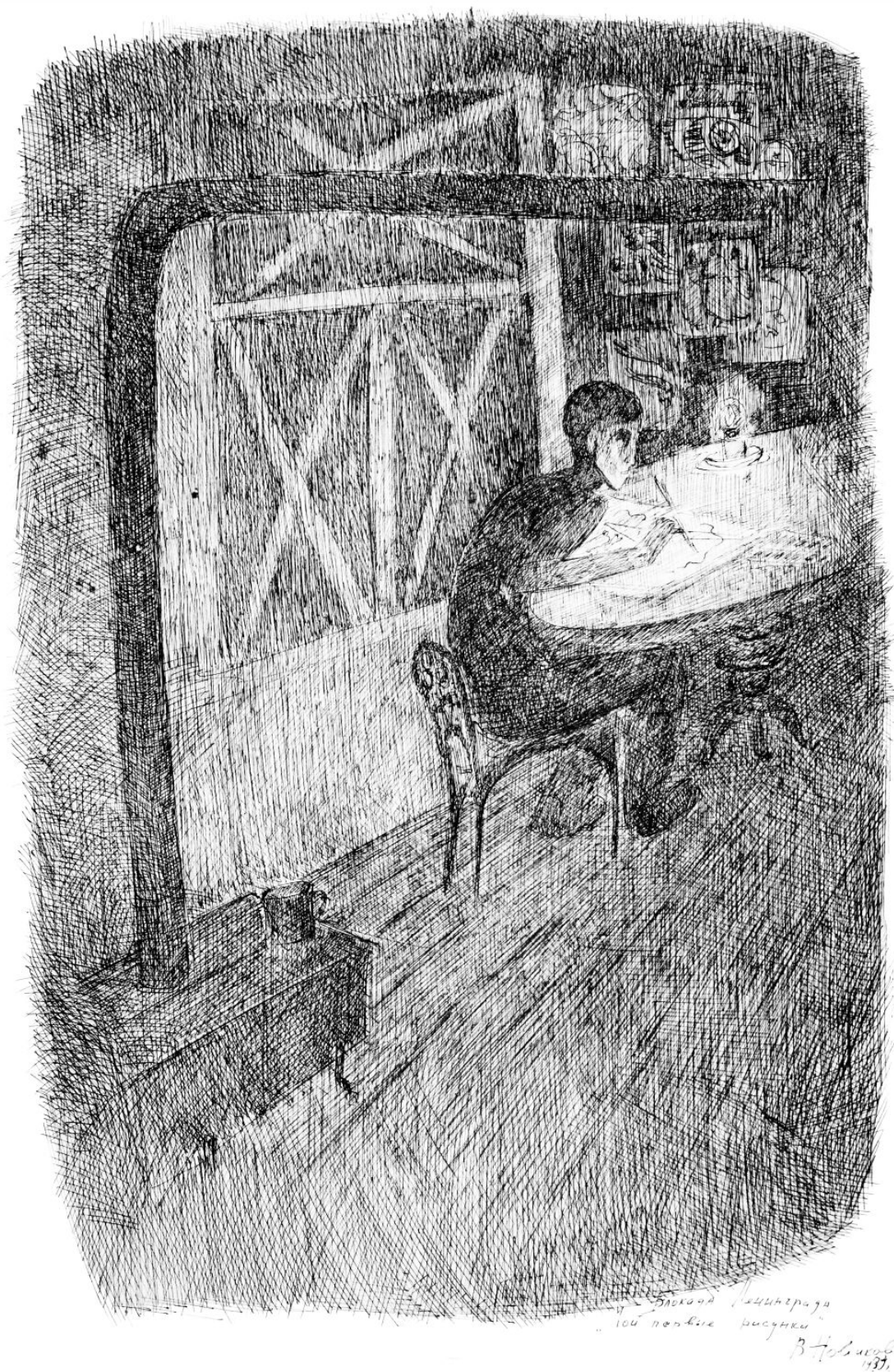
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Зимой 1942 г.
учителя мы возили в школу»

Бумага, тушь, перо.
СССР, 1984 г.
Р.: 55,0x42,0 см.

Мы вышли на улицу. А через какое то время, опираясь на палку, всё с тем же портфелем, сгорбленный и исхудалый, вышел наш учитель. Посадили мы его на санки, впряглись в верёвку и медленно повезли в школу. В школе помогли ему встать, завели в класс. Все ребята ждали его уже за партами, и он провёл прерванный урок.

Целую неделю возили мы с Генкой его в школу и обратно.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

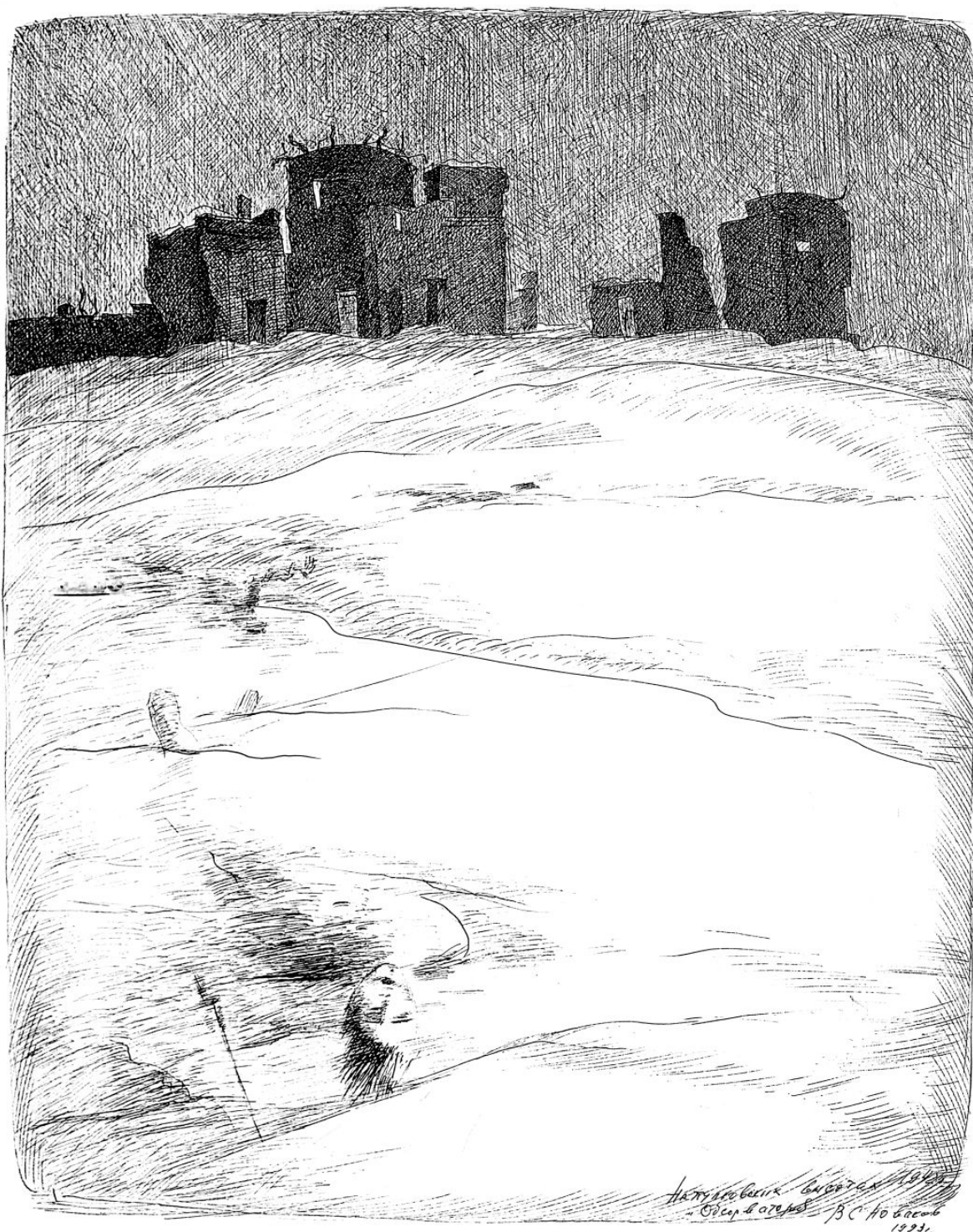
Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Мои первые рисунки»

Бумага, тушь, перо.
1973 г.
Р.: 61,8x43,0 см.

Он тянет меня к маленькому рисунку, который был сделан во время бомбёжки, когда в посёлке погибло сто двадцать человек, и была ранена наша учительница по ботанике, Елена Фёдоровна. Тогда было ужасно страшно, и я сделал копию Клевера. Картина была пробита осколком, без рамы—просто холст на подрамнике. На ней был изображён вечер, мороз, луна освещала одиноко стоящий деревенский домик. В одном из окон горел свет.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«На Пулковских высотах. 1942 г.»

Бумага, тушь, перо.
РФ, 1993 г.
Р.: 65,5х49,8 см.

На снегу лежал солдат.

Был он совсем молодой, и оттого, что лицо его было очень худым, выглядел он совсем мальчишкой. Иней покрывал его брови и мягкие усы, которые он, наверное, никогда и не брил ещё. Солдатская шапка сдвинулась на бок, из под неё торчал пучок белёсых волос. На ногах – валенки. Шинель распахнута, но наверху застёгнута на все крючки.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Весна 1942 г. Лисий Нос»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 51,5x40,0 см.

Этой весной март был ранний, на высоких местах не по времени обнажилась земля, запахло прелыми листьями, на солнцепёке кое где начали пробиваться первые зелёные ростки. Днём прогревало так, что в школу бежали без пальто, но к ночи вновь подмораживало. На деревьях, которые просматривались из окна нашей школы, сидели первые вестники весны—скворцы. Они суетились, искали себе жилище, то прилетали, то вновь улетали. Было ощущение, что ещё одна тяжёлая зима заканчивается. Впереди—надежда.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Будто все это было вчера,
в белой простыни брат и сестра»

Бумага, тушь, перо.
РФ, 1996 г.
Р.: 50,0x40,0 см.

Всё это произошло так быстро, что уже в декабре сорок первого года начали вывозить из домов трупы людей, умерших от голода. В это время у меня умерли—двоюродные брат Лёня, сестра Вера и их родители: дядя Федя и тётя Люба. Поначалу я ещё их навещал, они жили через два квартала, на Межевой улице, а потом и сам перестал ходить.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Форты. 1943 г.
Всю войну они охраняли Ленинград»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р: 63,0x47,0 см.

Опасаясь, как бы вчерашний немецкий налёт не повторился, мы перегнали лодку: мимо дамбы, за мыс, в нашу лагуну, где был так называемый «коровий пляж». И хотя день был спокойным, всё равно мы, потрясённые виденным вчера, в море не пошли. Но на следующий день, под вечер, перемёт всё таки поставили, правда, уже под нашим берегом, между седьмым фортом и Горской.

В. Новиков. «Страх»
Лисий нос 1990.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Страх. Лисий Нос»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 50,0x40,0 см.

Кронштадт горел, затягивался дымом, а новые партии самолётов всё так же нагло появлялись из за солнца и шли на город. Стоял невероятный грохот, ревели самолёты, рвались бомбы. Стреляли и наши береговые зенитные батареи, пытаясь хоть немного облегчить страдания города, сберечь его от безжалостного уничтожения. Иногда зенитки попадали в цель, и тогда горящим факелом разрезал немецкий самолёт чёрную дымовую пелену и падал в залив.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

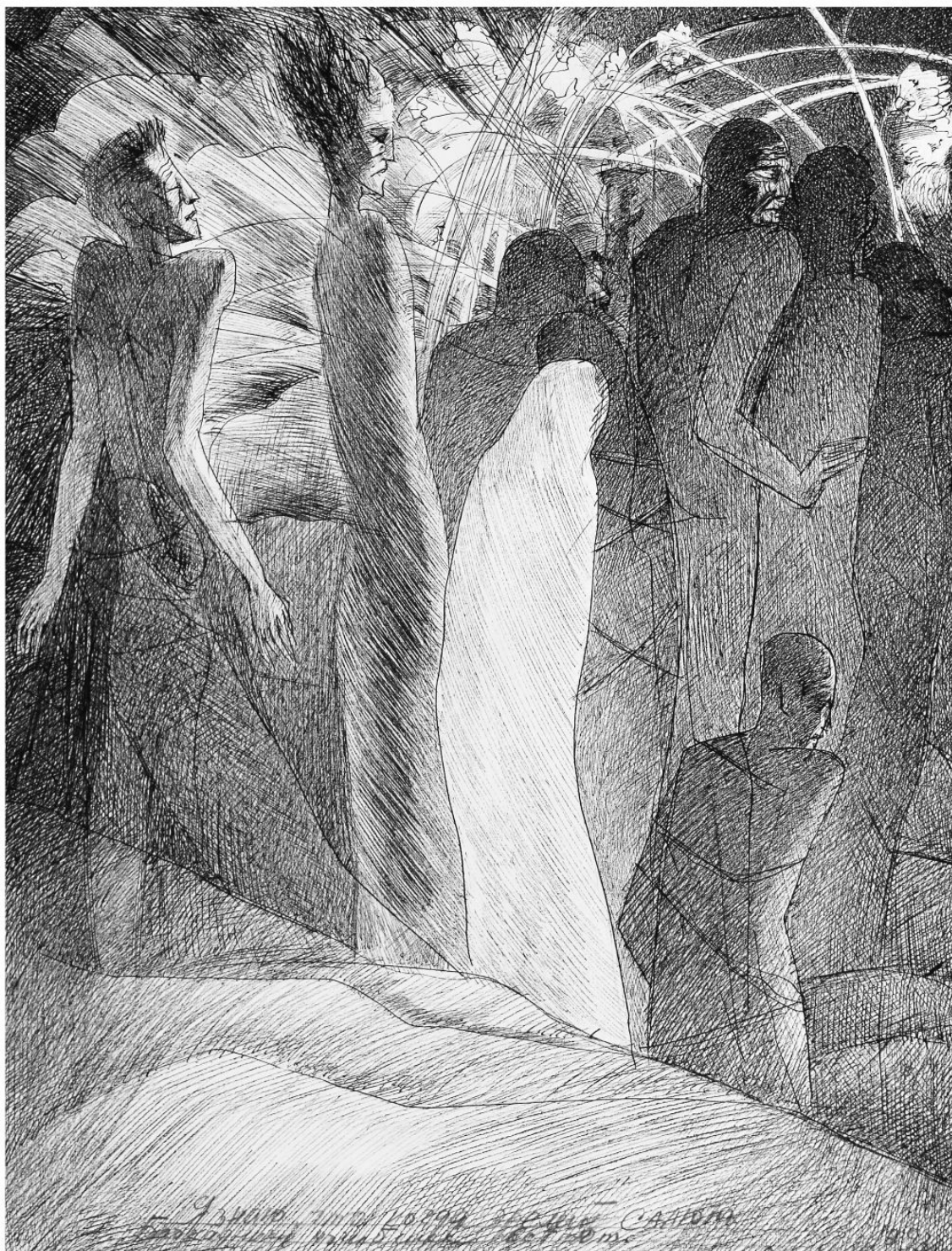
Графика Виктора Новикова

«По дороге на кладбище мимо
разрушенного портика
Нового Эрмитажа»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 60,0x45,0 см.

На Карповке сделал традиционную остановку: отдых. Чтобы ещё раз посмотреть, как на красивом доме танцуют путти—там, невысоко над окнами, были рельефы с танцующими женщинами и детьми. Мне тогда казалось странным, что скульптор в такой мороз и голод выставил сытых и весёлых танцующих людей. Но всё равно это было хорошо, красиво. От этого дома идти мне было уже недалеко. Я приходил к сестре в госпиталь на Геслеровский проспект, укладывался спать и два три дня жил у неё.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Я знаю,
что когда гремит салют,
блокадники погибшие встают»

Бумага, тушь, перо.
РФ. 1993 г.
Р.: 65,2x49,5 см.

Я бросил автомат, побежал на чердак, оторвал обшивку с потолка, сгрёб ракетницу с пачками ракет, сбегал вниз, и одну за другой стал их всаживать в смеющееся солнце. Я стрелял красными, синими, зелёными... Я стрелял за последние слова «В день Победы!», я стрелял за Василия, он погиб под Белоостровом, за его отца. За всех мальчишек, которые не дожили до этого дня.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

«Раненая лошадь»

Бумага, тушь, перо.
СССР. 1984 г.
Р.: 67,3х59,3 см.

Теперь я по несколько раз в день ходил за грибами, что-бышний раз покормить и повидать свою лошадь. Мама ничего об этом не знала, но очень переживала, что я начал худеть. Она старалась мне что-нибудь из еды добавить, а я отрывал еду от себя и нес ей, моей лошади. Я радовался, что у неё прибывают силы. Я каждый день жёл для неё серпом траву, кормил её, поил водой из ручья, менял подорожник на ране. Вскоре рана стала чистой и начала затягиваться.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Последний автопортрет»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 36,3х31,4 см.

Посреди комнаты стоял мольберт, строганный, покрытый лаком. А на полу ничком лежал квадратный картон, видимо, опрокинутый с мольберта ветром. Я наклонился, поднял его. Картон был плотный, фактурный, такого я ещё никогда не видел. На чистом белом фоне был начат портрет художавого человека с большими выразительными глазами. Нарисован он был жирным карандашом, местами легко растушёван пальцем.

Рядом с мольбертом на железной кровати лежал сам художник. Он был одет и лежал поверх одеяла. Крупная его рука свешивалась на пол, а на небритом лице была видна еле заметная улыбка. Я посмотрел на портрет и увидел сходство—это был его неоконченный автопортрет.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

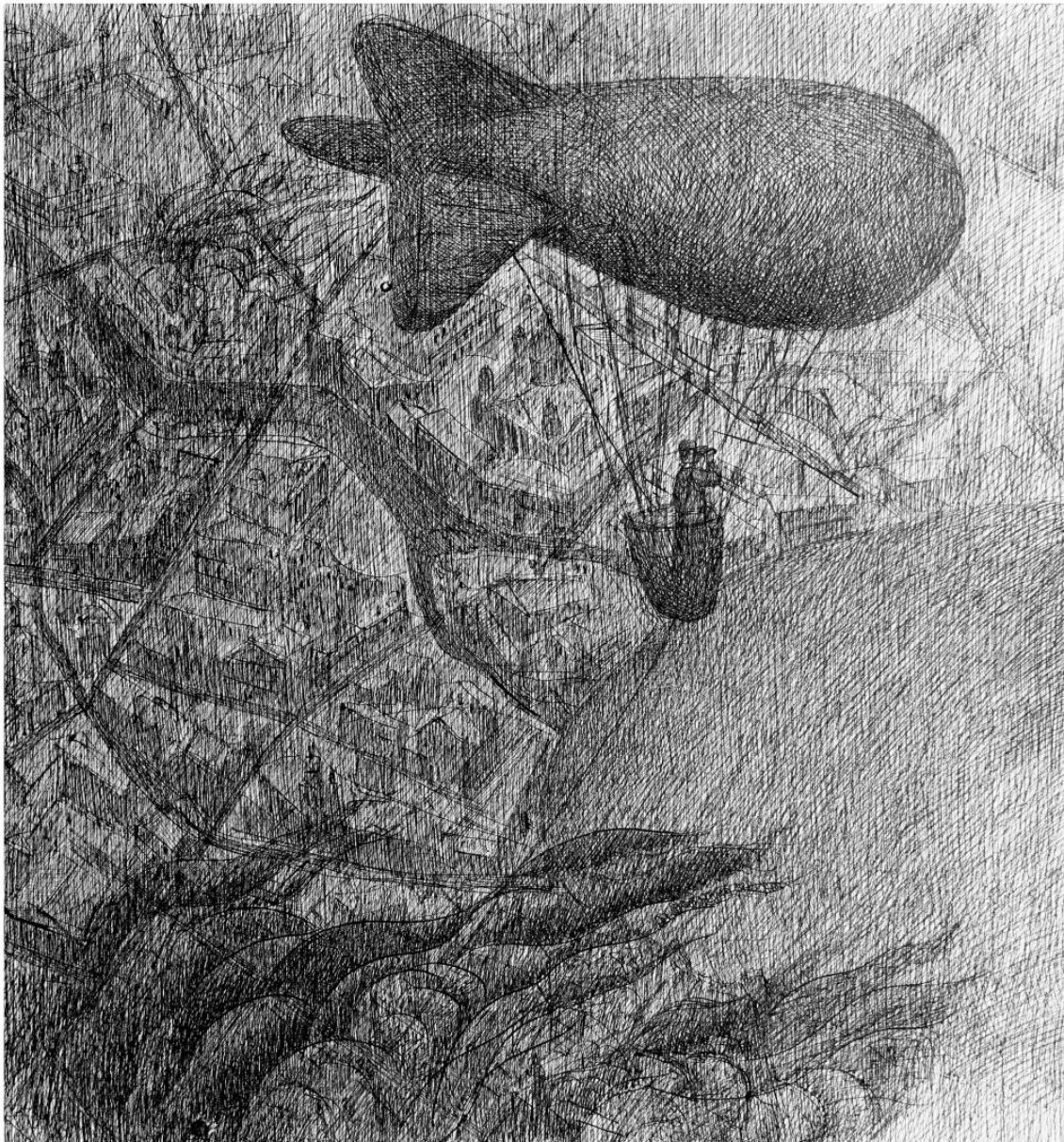
Графика Виктора Новикова

«Женщины на
оборонных работах»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 59,5x56,5 см.

Был слышен скрежет металла и гул от ударов. Не дожидаясь рассвета, я оделся и пошёл посмотреть, что же происходит. То, что я увидел, потрясло меня и согрело мне душу: на месте старой насыпи сотни людей восстанавливали нашу железную дорогу. На большей части насыпи уже были рельсы, но оставался небольшой кусок, который торопились достроить затемно.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Над городом»

Бумага, тушь, перо.
СССР. 1980 г.
Р.: 59,6x58,4 см.

В мае стоял жаркий день. Я заканчивал шестой класс, мы готовились к экзаменам. Как то остановились мы с Женькой Рыжим на углу Глухариной и Маринского, хотели уже расходиться, вдруг, смотрим—в конце улицы остановился бронепоезд и полуторка с аэростатом. Ну, сейчас что то будет! Не успели мы об этом подумать, как в воздух поднялся аэростат с корректировщиком, и началась канонада. Она длилась недолго, немцы успели сделать несколько выстрелов по аэростату, но промахнулись.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Утро на заливе»
Бумага, тушь, перо.
РФ, 1992 г.
Р.: 65,5x49,5 см.

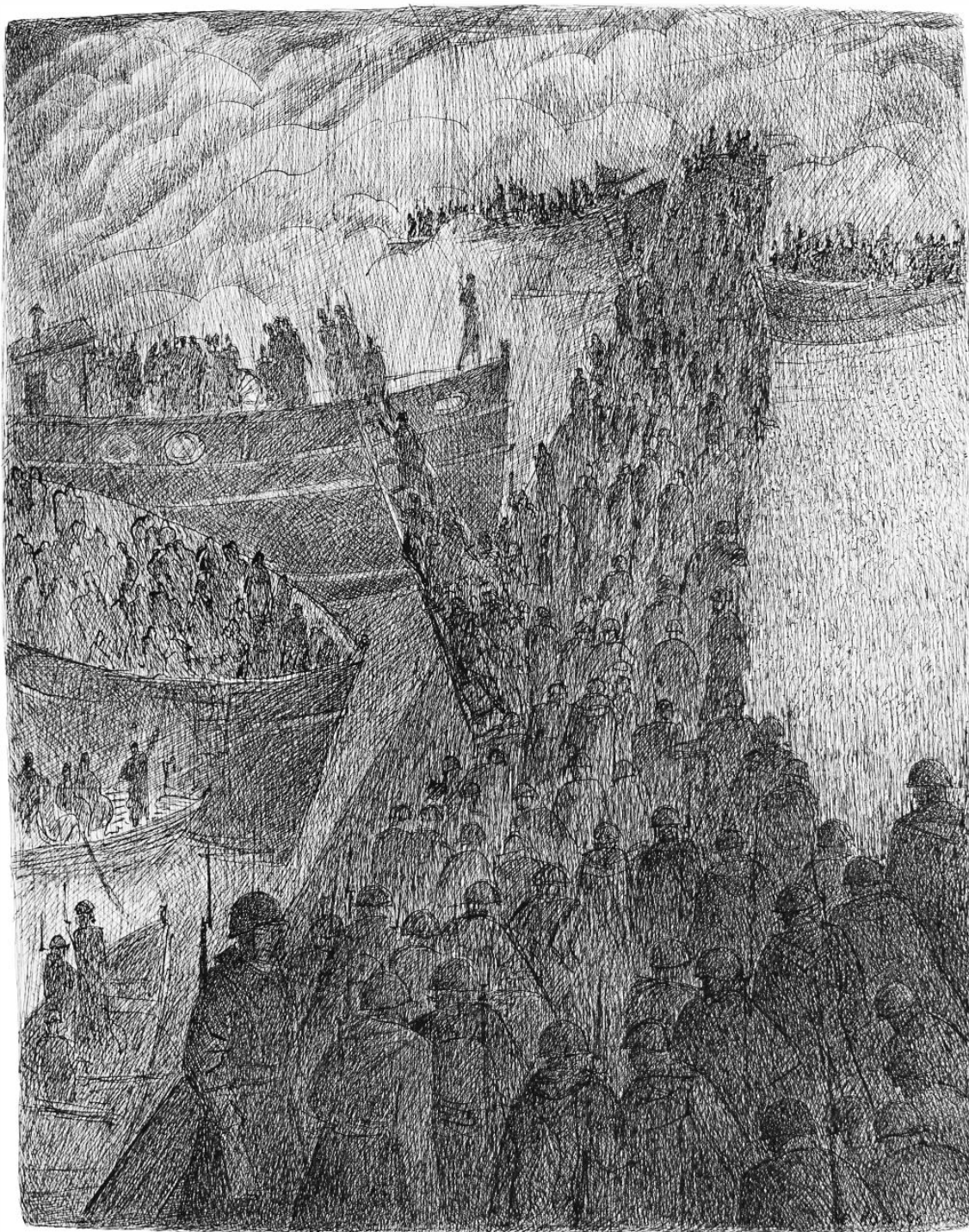
Мы поставили лодку на якорь, взяли рыбу и пошли на берег через кладбище чаек.
Дня через два, также утром, прибило к берегу тела матросов, погибших в тот роковой день. Матросы были в тельняшках, но воедино сливались с белыми чайками.
Днём из Кронштадта пришли шлюпки. Моряки бережно уложили своих братьев на днище, чтобы предать их тела земле в родном городе. А на песчаном берегу прибрежные волны ещё долго оплакивали высокий порыв белоснежных чаек и безымянных матросов.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

Так вот учтите и запомните, что если когда нибудь немцы и будут в Ленинграде, то только мёртвыми. И выносить их из города мы будем не как порядочных людей—вперёд ногами, а будем их выбрасывать, как псов паршивых.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

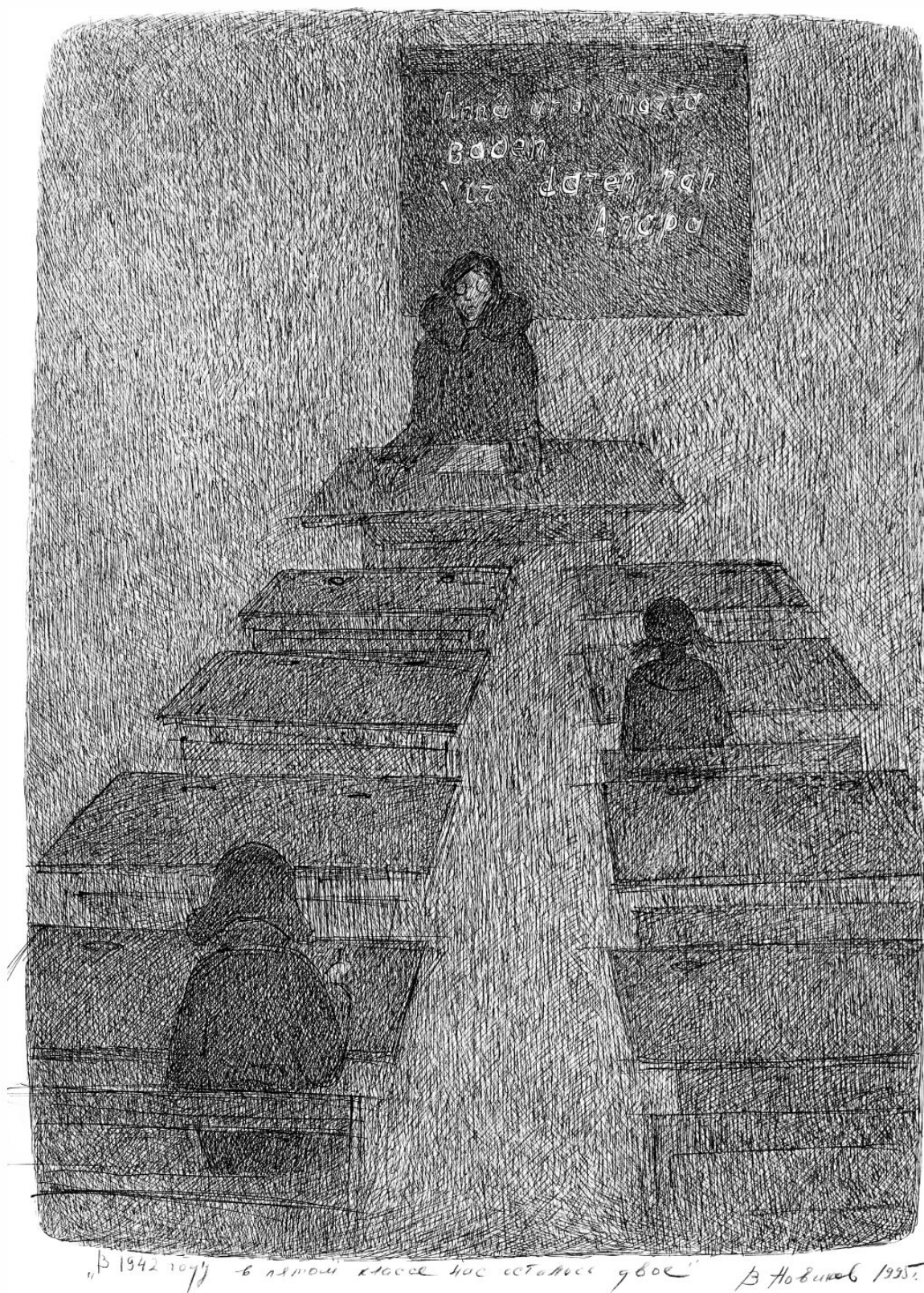
Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Армия грузится на корабли»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 63,0x47,0 см.

Один такой день врезался в мою память на всю жизнь. Готовились к снятию блокады Ленинграда. Через наш тирс под дымовой завесой переплавались на баржах воинские части в Кронштадт и на Ораниенбаумский пятачок. Правда, это ещё не была вторая ударная армия, которая пройдёт здесь ближе к зиме, но уже шла переправа боеприпасов и воинских соединений. Как правило, залив покрывался дымовой завесой, и немцы из орудий вели огонь вслепую.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«В 1942 г. в пятом классе
нас осталось только двое»

Бумага, тушь, перо.
РФ, 1995 г.
Р.: 61,0x43,0 см.

...Второй год шла жестокая война, вторую зиму ленинградцы прожили в блокаде, потеряли многих своих родных и близких. Наступил март 1943 года. В школе посёлка Лисий Нос, где я тогда учился в пятом классе, в живых остались очень немногие, а те, кто остался жив, знали цену и голоду, и бомбёжкам, и обстрелам.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Утро 1942 г. в Лисьем Носу»

Бумага, тушь, перо.
СССР, 1984 г.
Р.: 66,5x50,0 см.

Последние два месяца в посёлке было довольно тихо. Немцы понимали, что нам долго не прожить, что мы все вымрем, поэтому они снаряды на нас не тратили. Ведь и правда, к январю во многих сараях лежали замороженные трупы жителей посёлка. Ждали весны — хоронить было некому. Дядя Вася Кошкин, который возил покойников на Горское кладбище, сам был очень плох.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

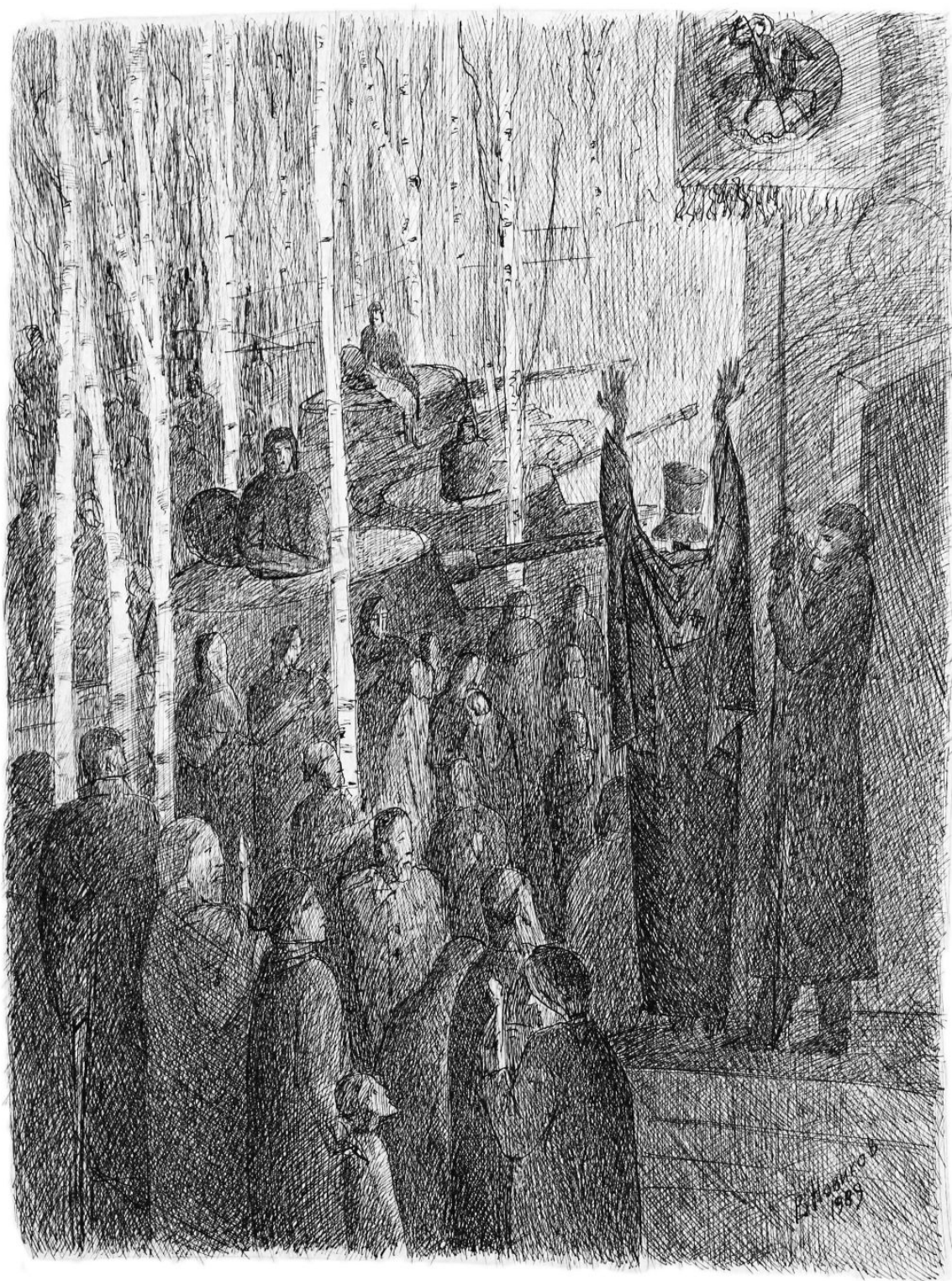
Графика Виктора Новикова

Суровой была первая блокадная зима. К тяжёлым утратам войны, без которых не обошлось ни в одной ленинградской семье, к тому страшному голоду, который каждый день уносил тысячи человеческих жизней, прибавились лютые морозы.

«Блокада Ленинграда. 1942 г.»

Бумага, тушь, перо.
1990-е гг.
Р.: 51,0x40,0 см.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

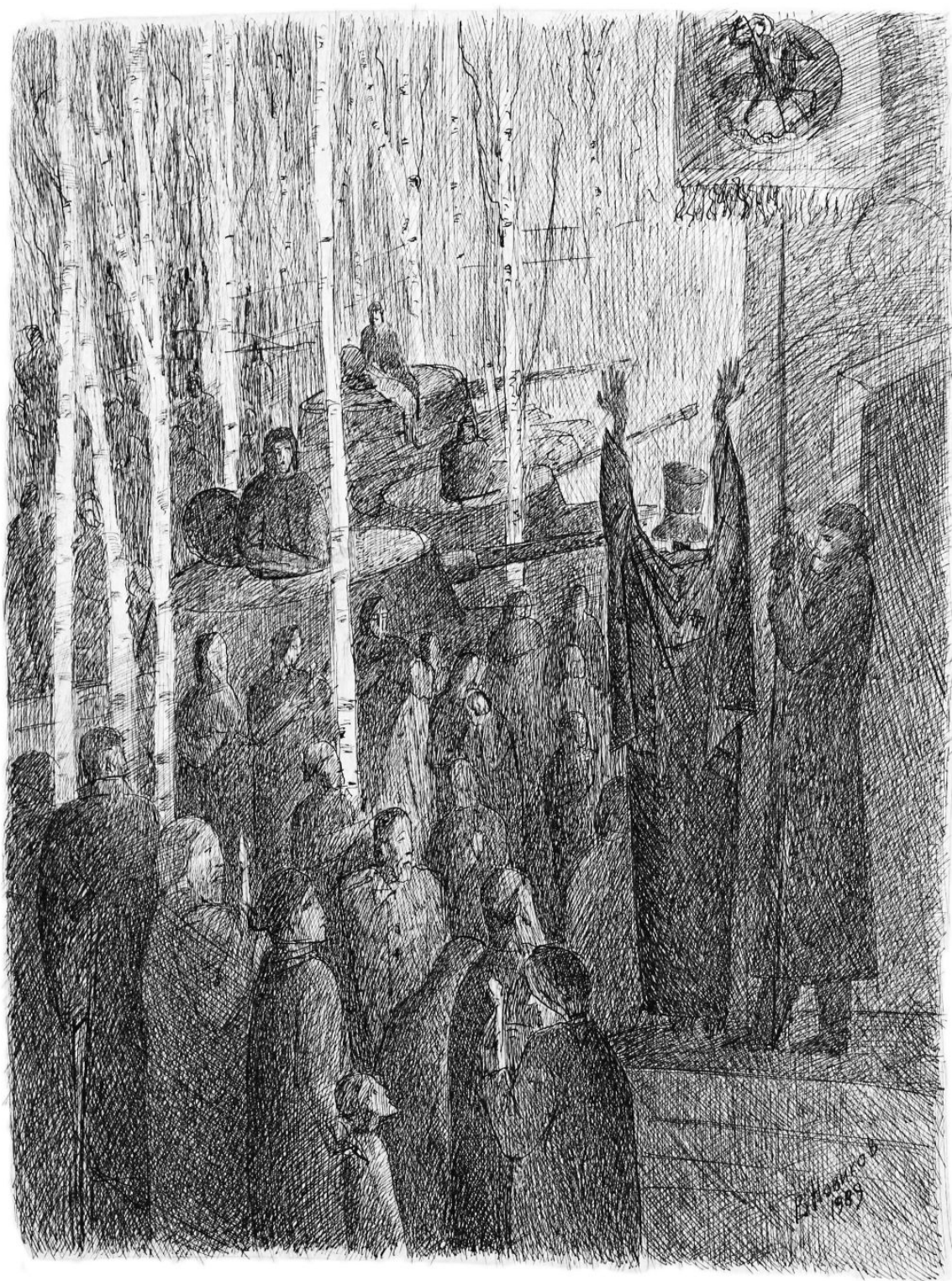
Графика Виктора Новикова

Перед самой Пасхой, за два или три дня, в посёлке разнеслась весть, что завтра, часам к двенадцати, к церкви придут танки, купленные на наши деньги

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Благословение новых танков»

Бумага, тушь, перо.
СССР. 1989 г.
Р.: 56,0x35,0 см.

«БЛОКАДА СНИТСЯ МНЕ...»

Графика Виктора Новикова

Перед самой Пасхой, за два или три дня, в посёлке разнеслась весть, что завтра, часам к двенадцати, к церкви придут танки, купленные на наши деньги

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

«Благословение новых танков»

Бумага, тушь, перо.
СССР. 1989 г.
Р.: 56,0x35,0 см.